

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7778044>

УДК 81-2

Савицкий В.М.

Савицкий Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, 443090, г. Самара, ул. Максима Горького, 65/67. E-mail: lampasha90@mail.ru.

Устойчивость лингвистических единиц: факторы, градация, типология

Аннотация. В статье рассматриваются признаки, которые образуют понятие «устойчивость лингвистических единиц». Описываются факторы возникновения устойчивости. Показывается, что устойчивость градуальна. Ее можно представить как произведение значений трех параметров: степень массовости употребления, степень неизменности формы, степень долговечности единицы. Отмечается, что малое значение одного из параметров способно компенсироваться большими значениями двух других параметров. Выделяются типы устойчивости: системно-языковая, нормативно-речевая, культурная. Демонстрируется наличие «буферной зоны» между корпусами единиц языка и единиц речи; в нее входят единицы, совмещающие в себе системно-языковые и нормативно-речевые признаки. Анализ проведен на материале английского языка.

Ключевые слова: языковая / речевая / лингвистическая единица, дихотомия “язык – речь”, системно-языковая / нормативно-речевая / культурная устойчивость.

Savitsky V.M.

Savitsky Vladimir Mikhailovich, Doctor of Philology, Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Russia, 443090, Samara, 65/67 Maxim Gorki Street. E-mail: lampasha90@mail.ru.

Stability of Linguistic Units: Its Factors, Gradation, Typology

Abstract. The article contains description of the features comprising the notion of stability of linguistic units. The author reveals the factors that determine the emergence of stability; shows that stability is a matter of degree which can be represented as a product of the values of three parameters (the degree of mass usage, that of immutability and that of durability); notes that a small value of one parameter can be compensated by large values of the other two parameters; analyses the types of stability (language stability, normative stability, cultural stability); points out the existence of a “buffer zone” between the corpora of language units and speech units, which includes units combining language features and speech features. The analysis is based on the English language material.

Key words: language unit, speech unit, linguistic unit, the “language – speech” dichotomy, language stability, normative stability, cultural stability.

Как известно, отнесение слов, словосочетаний и высказываний к числу единиц языка или же к числу единиц речи определяется тем, обладают ли они таким свойством, как устой-

чивость. В работах [3], [6] и ряде других описаны признаки, из которых складывается понятие “устойчивость”; среди них главные – это воспроизводимость в готовом виде; наличие инварианта в плане

содержания и в плане выражения в рамках определенной (как правило, весьма ограниченной) вариантности; большая или меньшая конвенциональность значения. Наличие устойчивости свидетельствует о принадлежности единицы к языку, а отсутствие устойчивости – о принадлежности единицы к речи.

На первый взгляд это представляется отчетливым критерием разграничения языковых и речевых единиц. Но наблюдения показывают: дело обстоит сложнее. Более пристальный взгляд на устойчивость приводит к выводу, что это явление многофакторное, градуальное и разнотипное, а демаркационная линия между системой языка и стихией речи размыта; кроме того, принадлежность к корпусу языковых или же к корпусу речевых единиц есть вопрос степени.

В данной связи представляется целесообразным использовать обобщающий термин лингвистическая единица, который охватывает как единицы языка, так и единицы речи. Перед лингвистами стоит задача обоснованно разделить множество лингвистических единиц на подмножества языковых и речевых единиц и выявить «буферную зону», в которую входят единицы, совмещающие в себе языковые и речевые свойства в той или иной пропорции.

В данной статье мы вкратце рассмотрим лишь некоторые грани этой масштабной проблемы: факторы возникновения устойчивости, ее степени и типы.

Обращаясь к вопросу о факторах, вызывающих появление устойчивости у лингвистических единиц, отметим, что некоторые свойства, которые учитываются исследователями в качестве показателей устойчивости, с иных позиций предстают как ее факторы. Один из них – конвенционализация значения единицы, которая превращает ее в устойчивую. Например, английское словосочетание *three tailors from Tooley Street* (букв. “трое портных с улицы Тули”, перен. “самозванцы”) не было устойчивым в момент

своего возникновения, т.к. его значение “самозванцы” было в тот момент мотивировано историческим эпизодом: трое портных с улицы Тули подали в Британский парламент петицию, которая началась словами «Мы, английский народ ...» [2]. Позднее, употребляясь в отрыве от исходной ситуации в данном значении, это словосочетание обрело семантическую конвенциональность, которая привела к появлению у него устойчивости; при отсутствии устойчивости значение “самозванцы” не смогло бы закрепиться за данным словосочетанием.

Другим фактором устойчивости выступает употребление лингвистической единицы в качестве десигнатора (означающего) для постоянной семантической единицы (понятия или концепта, кодифицированного в данной лингвокультуре) – например, англ. *internal combustion engine* (двигатель внутреннего сгорания). Если произвести синонимические замены (*internal*→*inner*; *combustion*→*burning*; *engine*→*motor*), то возможны коммуникативные сбои: реципиенты могут усомниться, действительно ли имеется в виду знакомый и привычный им объект номинации – двигатель внутреннего сгорания.

Обретению устойчивости способствует также структурное совершенство лингвистической единицы, ее эстетические качества. В частности, обретению устойчивости формы в плане выражения лингвистической единицы помогают средства фонетического повтора – аллитерация, ассонанс, рифма, стихотворная метрика, метатеза и др. Устранение повтора при произвольных трансформациях плана выражения ведет к потере складности (гармонии содержания и выражения). Так, например, замена лексем в английском компаративном обороте *as busy as a bee* “трудолюбивый как пчёлка” (*busy*→*diligent/industrious*; *bee*→*honeybee / apis*) приводит к исчезновению инициальной рифмы [bi – bi:], а также стихотворного размера ([əz 'bi / zi əz / ə 'bi:] – трехстопный ямб с пиррихием). Это нарушает складность данного оборота, тем

самым снижая его экспрессивность и эмотивную оценочность, а значит, и шансы на обретение и сохранение устойчивости.

Отметим, что складность характерна не только для фразеологизмов, которые участвуют в выполнении поэтической функции языка, но и для многих других, более «прозаических» единиц – например, номенклатурных названий типа англ. house mouse “домовая мышь”, содержащего рифму. Здесь теоретически возможны варианты без повтора (domestic / home mouse), но устойчив именно этот вариант.

Ср. также: hot pot (рифма) “тушеное мясо с овощами”, hot-water bottle (повтор [ɔt – ɔ:t – ɔt]) “грелка”, medicine man (аллитерация [m-n – m-n]) “знахарь” и т.п. Повтор снижает вариативность, тем самым повышая устойчивость единиц.

В ряду факторов появления устойчивости у лингвистических единиц нужно упомянуть и тиражирование текстов, содержащих лексические окказионализмы и индивидуальные обороты речи; тиражирование происходит через литературу, публицистику и СМИ.

Многочисленное воспроизведение текстов способствует популяризации единиц речи и созданию традиции их массового употребления – первоначально в виде цитаций и крылатых слов типа big stick policy “политика большой дубинки” (автор Т. Рузвельт), gentleman’s agreement “джентльменское соглашение” (автор Дж. П. Морган), а позднее в отрыве от первоисточника, с забвением авторства, в виде штампов и клише типа exquisite pleasure “изысканное удовольствие”, fundamental principle “основополагающий принцип” и т.п.

Устойчивость придается речевой единице языковым коллективом, который «голосует» за нее, массово употребляя ее в готовом виде и тем самым превращая индивидуальное творение в общее достояние. Этой «честью» удостаиваются лишь те произведения речи, которые обладают указанными свойствами; устойчи-

вость тем выше, чем сильнее и многочисленнее ее факторы.

Далее обратимся к вопросу о степени устойчивости лингвистической единицы. Мы считаем, что ее можно представить как произведение значений трех параметров: степень массовости употребления × степень неизменности × степень долговечности. Малое значение одного из параметров способно компенсироваться большими значениями двух других параметров.

Например, многие термины, сленгизмы, жаргонизмы и публицистические штампы вскоре устаревают и уходят из употребления вследствие быстрых темпов эволюции современной культуры и цивилизации. Недолговечность такого рода лингвистических единиц компенсируется их широким применением в более или менее неизменной форме в течение их короткой жизни. На этом основании можно констатировать, что такие единицы характеризуются высокой устойчивостью на определенном синхроническом срезе развития языка.

Некоторые историзмы (e.g. battle axe “секира”) и архаизмы (e.g. kith and kin “родня”), напротив, характеризуются узкой сферой употребления на современном этапе, однако их большая долговечность и структурная неизменность позволяют говорить об их высокой устойчивости.

Если же какой-либо термин, клише или штамп используется не только не долго, но и не массово (в ограниченной группе текстов), тогда не приходится говорить о его высокой устойчивости.

Добавим, что на разных синхронических срезах истории существования той или иной единицы у нее может наблюдаться разная степень устойчивости. Так, уменьшение либо увеличение количества вариантов лингвистической единицы повышает или, соответственно, снижает его устойчивость. Популяризация ранее малоупотребительного оборота расширяет сферу его применения; пребывая у всех на слуху и у всех на устах, он

тем самым становится более устойчивым. Это произошло, в частности, с английским фразеологизмом *to change horses while crossing a stream* (букв. “менять коней на переправе”): малоупотребительный в прежние времена, он был популяризирован А. Линкольном в 1864 г. в Балтиморе на съезде Республиканской партии и в результате вошел в широкое употребление [2].

С учетом того, что рассматриваемый оборот имеет давнее происхождение и к тому же маловариантен (имеется лишь вариант *to change horses in the midstream* букв. “менять коней на середине потока”), можно утверждать: в наше время он высокоустойчив по всем трем параметрам.

Обращаясь далее к вопросу о типах устойчивости лингвистических единиц,

отметим, что эта типология представляет немалые трудности для исследователей.

В искусственных знаковых системах (формализованных языках), которые устроены гораздо проще, чем естественные языки, граница между устойчивыми и неустойчивыми единицами очерчена резко и четко. В них имеется ограниченный набор единиц, которые изначально считаются устойчивыми в составе данной знаковой системы. В рамках формализованных искусственных языков понятия “языковая единица” и “устойчивая единица” тождественны.

Из единиц таких языков по правилам системы строятся высказывания и тексты, которые считаются неустойчивыми (речевыми) единицами. В рамках такого рода систем понятия “речевая единица” и “неустойчивая единица” тоже тождественны.

Устойчивость единиц формализованных языков обусловлена лишь конвенцией, не градуальна и не делится на типы. Дихотомия “язык – речь” четко устанавливается. Например, знаки, составляющие уравнение, представляют собой устойчивые единицы языка математической символики, а само уравнение есть

неустойчивое (речевое) высказывание на этом формализованном языке [1].

Напротив, во вторичных моделирующих системах (художественных языках) границы между знаком и текстом, а также между кодом и сообщением размыты подчас вплоть до их полного исчезновения, так что семиологи нередко оперируют синтетическими понятиями “знак-текст” и “код-сообщение” [4; 5].

Что касается естественных языков, они занимают срединную позицию между двумя вышеназванными типами знаковых систем. В них в определенной пропорции совмещены ригидность, свойственная формализованным языкам, и мобильность, присущая художественным языкам. В этих языках границы между языком и речью, между корпусами устойчивых и неустойчивых единиц размыты, но не настолько, насколько они размыты во вторичных моделирующих системах. Члены дихотомии “язык – речь” разделены не отчетливо, но и не слиты воедино. Имеется длинный плавный переход “язык ↔ речь”, который представляет собой скорее континуум, чем многоступенчатую дискретную шкалу. Именно это создает трудности при разграничении языковых и речевых, устойчивых и неустойчивых единиц; в естественных языках эти пары понятий не тождественны.

Этим же обстоятельством вызваны трудности, возникающие при выделении типов устойчивости: проблемы с разграничением языка и речи влекут за собой проблемы с типологией устойчивых лингвистических единиц. Решение тех и других проблем вынужденно носит в той или иной мере условный характер. Здесь критерием служит коллективное мнение лингвистов.

Те лингвистические единицы, которые всеми учеными считаются системно-языковыми (зафиксированные в словарях слова, идиоматичные обороты, паремии, терминологические сочетания слов), в русле нашей концепции позиционируются как единицы, характеризующиеся на-

личием системно-языковой устойчивости.

Те сочетания слов и высказывания, принадлежность которых к языковой системе не признаётся или ставится под вопрос большей частью лингвистов, но которые всё-таки устойчивы, – такие единицы обладают свойством, которое мы назвали нормативно-речевой устойчивостью. В данную группу единиц входят клише, штампы, изречения, крылатые слова и малые формы фольклора. Они пребывают в «надязыковом» пространстве нормы и узуса речи.

Устойчивые словесные произведения сверхфразового уровня (анекдоты, страшилки, загадки и тому подобные образцы современного фольклора, тексты ритуалов, типовые тексты документов, тексты рекламы и т.д.) имеют культурную устойчивость. Они располагаются в культурном пространстве; культура при этом предстаёт в семиотическом аспекте как знаковое явление.

Определенная условность вышеописанной типологии устойчивости вызвана тем, что она базируется не на одном, а на ряде различных оснований, к тому же носящих размытый характер.

Во-первых, это – частично – типология по уровням языковой иерархии, но есть и такие случаи, когда лингвистические единицы одного и того же уровня характеризуются разными типами устойчивости.

Во-вторых, это отчасти типология по степени устойчивости, однако она распространяется не на все лингвистические единицы, которые принадлежат к тому или иному разряду, а только на их большую часть,

В-третьих, это типология по анонимности / авторской принадлежности, но и данный критерий нечеток: порой авторство находится под вопросом.

Обобщая всё вышеизложенное, мы приходим к следующим выводам.

Лингвистические единицы, обладающие системно-языковой устойчивостью, – это такие единицы, которые от-

носятся к лексическому и фразовому уровням языка, в целом имеют высокую степень устойчивости и чаще всего анонимны.

Лингвистические единицы, имеющие нормативно-речевую устойчивость, – это такие сочетания слов и высказывания, которые в целом характеризуются средней степенью устойчивости и зачастую авторской принадлежностью.

Лингвистические единицы, характеризующиеся культурной устойчивостью, – это сверхфразовые единства и тексты, демонстрирующие широкий спектр степеней устойчивости (нередко малую устойчивость) и в большинстве случаев являющиеся авторскими.

Вероятностный, размытый характер перечисленных критериев приводит к тому, что между вышеописанными тремя типами лингвистических единиц есть своего рода буферные зоны; под ними мы понимаем корпусы единиц, имеющих признаки разных типов устойчивости и по этой причине обладающих не совсем отчетливым статусом по показателю устойчивости.

Такие единицы принадлежат к смешанному типу. К примеру, целый ряд клише и штампов (нормативно-речевых единиц) типа *bitter cold / envy / doubt / frost / pain / suspicion* и др. (сильный мороз / зависть / сомнение / боль / подозрение и т.п.) бывает нелегко отграничить от фразеологических сочетаний (системно-языковых единиц по В.В. Виноградову) – таких, как *to render assistance / service / help / aid / pressure* (оказывать содействие / услугу / помощь / давление). Различие между ними заключается в количестве лексических переменных, вписывающихся в лексико-синтаксическую модель, однако это количество устанавливается условно.

Еще один пример единиц смешанного типа: изречения и крылатые слова представляют собой не только единицы нормативно-речевого плана, но также фрагменты культуры. На этом основании можно утверждать, что они, помимо

нормативно-речевой устойчивости, характеризуются также наличием культурной устойчивости. В ходе установления типа устойчивости оппозиция “фразовость: сверхфразовость” в них отодвигается на задний план.

Размытость границ между этими таксономическими рубриками является не недоработкой типологов, а объективным фактом, который говорит о взаимном проникновении речи, языка и культуры в лингвокультурном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисов П. Н. Принципы моделирования языка (на материале вспомогательных языков для автоматического поиска и перевода). М.: изд-во Московского университета, 1965. 204 с.
2. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Дрофа, 2005. 1214 с.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.
4. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 10-257.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. М.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. 704 с.
6. Савицкий В. М., Кулаева О. А. Концепция лингвистического континуума. Самара: изд-во «Научно-технический центр», 2004. 177 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Denisov P. N. Principles of language modeling (based on the material of auxiliary languages for automatic search and translation). Moscow: Moscow University Publishing House, 1965. 204 p.
2. Kunin A.V. The Great English-Russian phraseological dictionary. Moscow: Bustard, 2005. 1214 p.
3. Kunin A.V. The course of phraseology of the modern English language. Dubna: Phoenix+, 2005. 488 p.
4. Lotman Yu. M. Lectures on structural poetics // Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school. Moscow: Gnosis, 1994. pp. 10-257.
5. Lotman Yu. M. The structure of a literary text. Analysis of the poetic text. Moscow: Azbuka; Azbuka-Atticus, 2018. 704 p.
6. Savitsky V. M., Kulaeva O. A. The concept of linguistic continuum. Samara: publishing house "Scientific and Technical Center", 2004. 177 p.

Для цитирования:

Савицкий В.М. Устойчивость лингвистических единиц: факторы, градация, типология // Гуманитарный научный вестник. 2023. №3. С. 7-12. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2023/03/Savitsky.pdf>